

Треск

Кнут ударил по спине ребенка в возрасте не более десяти лет, и сила удара заставила ребенка растянуться на песчаном грунте. Кровь сочилась из того места, где хлыст порвал кожу на голой спине. К большому удивлению надзирателя, мальчик даже не вскрикнул от боли. Он просто поднялся на ноги и продолжил идти.

Гура прищурился. Ему это не понравилось. Ему это совсем не понравилось.

Он был надзирателем этой группы рабов. Всего двадцать рабов. Среди них были мужчины, женщины и дети - все они со связанными перед собой крепкими веревками руками и одетыми в лохмотья. Их ноги также были связаны друг с другом достаточно лишь для того, чтобы позволить им двигаться вперед без спотыкания.

Все без исключения рабы были людьми.

А Гура - точно нет.

Человек-кабан с глазами-бусинками, обычно известный как орк, был почти двух с половиной метров в высоту и шириной в метр. Его уродливая морда была деформированным комком жира, и его ноздри были отчетливо видны на его пороссячем носу.

И, как и большинство работоторговцев, он был садистом. Ему нравилось слышать крики своих рабов. Называть его немного свободным с его любимым кнутом было бы преуменьшением.

Но теперь он использовал свой кнут, но никто не кричал.

Он внимательно изучил ребенка. В его истощенной спине или маленьком росте не было ничего необычного. Так выглядели все дети, рожденные в неволе. Принудительный марш, когда караван рабов пересекал пустыню, чтобы торговать своими товарами в сочетании с редкими приемами пищи, лишил большинство детей рабов возможности расти.

Тем не менее, Гура не мог не чувствовать, что в походке мальчика было достоинство, которого не было там мгновение назад. Ментальное угнетение, которое заставило его позвоночник покалывать, а его рука, которая была поднята, чтобы снова ударить его, ослабила хватку на рукоятке из черного дерева его кожаного кнута.

Он чуть не отступил на шаг, прежде чем понял, что делает, и разозлился.

Его рука сжала кнут, и он изо всех сил опустил его. Кнут просвистел в воздухе, и с резким ударом, от которого разлетелась плоть и кровь, он снова отправил мальчика лежать.

На этот раз душераздирающий крик ребенка отозвался эхом в сухом пустынном воздухе.

Гура не остановился. Раз, два, три раза он изо всех сил ударил беспомощного ребенка, оставив его спину с зияющими ранами. Он наслаждался криками мальчика; используя их, чтобы успокоить свое раненое достоинство. Как он - Гура, рабовладелец; существо, обладающее способностью определять жизнь и смерть каждого из этих человеческих рабов, мог бояться простого ребенка-раба. Абсурд!

Гура остановился как раз перед тем, как раны стали бы настолько сильными, чтобы угрожать жизни мальчика. В конце концов, он был товаром, и если он умрет, Гаро, лидер каравана, вычтет стоимость из его зарплаты.

Направив кнут на самого здорового на вид раба в поезде, он хмыкнул: «Неси детеныша. И если он умрет, или ты замедлишься, я изобью тебя до полусмерти».

Раб сразу же забросил на плечо бессознательного мальчика, снимая с мальчика одежду, чтобы сделать импровизированный бинт, чтобы залечить его раны. Осталось пару часов, необходимых, чтобы добраться до Геенны, а затем он мог бы продать мальчика.

После этого ему будет все равно, выживет он или умрет.

Когда Гура обернулся, чтобы вернуться к своей песчаной доске, он не мог не облизнуть свой один торчащий бивень – другой был сорванный в драке давным-давно, - когда он вспомнил вкус всех мясных блюд, которые можно было найти только в Городе Грешников.

Он знал, где он потратит свои деньги этой ночью. Жир его живота покачивался в согласии.

Сэнд.

Это было его имя.

Это было имя, которое работоторговцы дали каждому ребенку, рожденному людьми, находящимися под их рабством. Сэнд предположил, что название должно было напоминать им, что они были столь же незначительны, как бесчисленные песчинки, которые составляли пустыню Тира. Напоминание им, что у них даже не было свободы давать своим детям имена.

Даже после того, как он стал полноправным Магом Подземелья.

Даже после того, как он получил наследство, которое позволило ему идти по пути владельца Подземелья и его имя шептали во всех уголках пустыни Тира.

Даже после того, как его зловещая репутация использования крови его противников в качестве ингредиентов еды распространилась к ушам вождей орков, они возжелали его крови взамен.

Все, что осталось от его преследователей, была пустыня, усыпанная мумифицированными трупами, и все двенадцать вождей орков собрались вместе, чтобы выследить его. Когда они нашли его. Когда они боролись с ним. Когда их раны отказались исцеляться и покрасили пески в красный цвет.

Особенно тогда.

Он называл себя Сэндом. Чтобы напомнить им имя, которое они дали ему. Чтобы напомнить им, что таких детей, как он, было столько же, сколько песчинок. Все ждут возможности пролить свою кровь.

В страхе они называли его Дьяволом - Кровавым Дьяволом, Песком.

Он должен был умереть в тот день. В этой безнадежной ситуации он использовал умение. Умение, которое он получил из Подземелья Времени. Одноразовый навык, которому нужно было отдать все, что он имел, чтобы он сработал. Его мана. Его осколки умений. Его жизнь. Все.

Он не знал заранее, сработает это или нет. В конце концов, он не мог проверить это.

Это была азартная игра.

И она удалась.

Сэнд проснулся от сильной боли, когда его бесцеремонно бросили на спину в деревянную тележку. Инстинкты, укоренившиеся за годы битвы, требовали, чтобы он быстро собрался, чтобы оказаться в положении, готовом к бою или бегству в зависимости от обстоятельств.

Тем не менее, его молодое тело не было готово к сотрудничеству, слабо шлепнувшись на кровать телеги, поскольку его мышцы ослабли из-за кровопотери и недоедания. Все, что ему удалось добиться, - это усугубить раны на его отбитой спине, из-за чего кровь просочилась из них и окрасила его уже окровавленную набедренную повязку, которая использовалась в качестве самодельной повязки, в более темный оттенок красного.

Гротескная морда орка вторглась в его поле зрения. Шрам проходил по лбу орка, нарисовав зазубренную белую линию на его бледно-розовой коже. Ровно три пряди волос были с любовью расчесаны назад на его лысой голове, претендуя на прическу.

«Ух ты, посмотрите. Мясо проснулось. Кто-то сегодня вечером будет играть в игру “сдохнет или нет”, а?

Интонация орка была гортанной, как и любого другого члена его расы. Их голоса не очень-то хорошо справлялись с хриплым и визжащим языком. У него определенно было необычное строение рта.

Голова Сэнда застонала и звякнула, когда все его винтики начали становиться на свои места, когда он быстро оценил свою ситуацию сквозь затуманенную дымку боли и истощения. Он использовал умение, которое он приобрел в Поземелье Времени. Без помощи Оценщика все, что он мог узнать, это то, что осколок умения был расходным, и для начала ему нужно было отдать ему все, что у него было.

Что касается его эффекта, он ничего не знал. В конце своей жизни он решил рискнуть и активировать умение. После этого он отключился, не зная, что с ним происходит.

Когда он пришел в себя, он обнаружил, что он вернулся в тело молодого себя. Нет маны. Нет осколков умений. Даже тренированного тела, которое он создал за сто лет своей свободы. Просто истощенный мальчик в невольничьей группе.

Когда он застыл на своем месте, пытаясь смириться со своей ситуацией, кнут руководителя орка стегнул его спину. Просто «нежное напоминание», чтобы он двигал ногами.

Кем был Сэнд? Багровый шеф-повар ... Кровавый дьявол ... Ужас Тира ... Может ли физическая боль заставить его подчиниться? Наблюдатель был простым Красным Магом. Он был магом Подземелья. Он убивал магов Подземелья. Кровь трех вождей орков окрасила его руки. Даже в его истощенном молодом теле кнут Надзирателя даже не мог заставить его вскрикнуть.

Это была его ошибка.

Абсолютная разница между одним моментом и следующим не давала ему времени на то, чтобы изменить свое поведение. Простой ребенок-раб, молча терпящий удар и идущий без единого крика боли, был аномалией. Явный признак восстания.

И работорговцы, безумные уроды, ненавидели любую неопределенность. Они боялись любого признака восстания. Его «наглость» принесла ему падение в бессознательное состояние. Если бы инстинкты выживания, укоренившиеся в его молодом теле за десять лет его жизни в

качестве раба, не захватили его тело и не заставили его жалко плакать - порка не остановилась бы, пока он не присоединился к бесчисленным человеческим трупам под песками Тира.

Еще одна песчинка, присоединившаяся ко многим.

Орк протянул руку и несколько раз грубо ударил его по лицу. «Ой-ой-ой. Что, Гура, хлестал тебя? А? - Сжимая лицо Сэнда так, что его губы сморщились, словно рыба, орк грубо приподнял Сэнда, заставляя его шею зловеще скрипеть, поскольку весь вес его тела свисал с него. «Я знал, что с тобой что-то не так, когда этот скупой ублюдок отдал тебя бесплатно вместе с другими шахтерами, но он никогда не упомянул, что ты не умеешь говорить». А теперь будь миленькой птичкой и назови меня "Мастер". Пой достаточно сладко, и я могу попросить медику осмотреть твои раны? Хмм?»

Он слегка покачал лицо Сэнда, заставляя его шею скрипеть дальше, когда все его тело качалось в воздухе.

«Хмм?»

"М-астер."

Орк засунул свой мизинец в ухабистое свиное ухо и поковырялся там. Взяв его и стряхнув с него серу, он наклонился и сказал: «Не совсем понял».

"Мастер."

«Меня зовут Крег. А для тебя?»

Глаза Сэнда были как два провала в бездну.

«Мастер Крег»

«Ахаха. Умный маленький подонок, не так ли?» Крег рассмеялся, риторически спросив других рабов, выстроившихся позади него, вызвав шепот лести и согласия. «Он мне нравится. Жаль, если он сдохнет так скоро, а? Приведи его к медику...» Глядя вниз, он хихикнул и щелкнул пальцами по шарикам Сэнда, заставляя его скосить глаза от боли и зажать ноги, даже когда он беспомощно висел в руках Крега. «И принеси ему немного одежды, чтобы спрятать этого маленького суслика... может, он проживет достаточно долго, чтобы я использовал его. Ахахах.»

Бросив Сэнда обратно на деревянную тележку, Крег ушел, хрипло смеясь над своей шуткой, когда Сэнд свернулся калачиком, терпя двойные волны агонии, исходящие от его отбитой спины и раненых шаров.

Это и боль его разрушенной гордости.

Сто лет он был рабом в своей прошлой жизни. Сто лет унижения, прежде чем он смог освободиться от своих оков. Затем в течение следующих ста лет он кроваво отомстил тем, кто сковал его цепями. Целых два столетия усилий были потеряны во времени.

Его отправили в прошлое.

Он был слабым рабом. Снова.

На этот раз он освободится быстрее. Двести лет опыта и знание будущего были ветром в его парусах. Хотя все изменилось уже с его назначением на шахты, а не в качестве официанта в

ресторане в Геенне, главные события все же произойдут, тогда же, как и в прошлый раз.

Поскольку жизнь дала ему второй шанс, он сотрет бы все сожаления, которые у него были в прошлый раз. И сожаления имели имена:

Гаро.

Гура.

И теперь, мастер Крег.

<http://tl.rulate.ru/book/26354/548829>